
ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.5; 342.7; 342.9; 343.3/.7

doi:10.21685/2307-9525-2022-10-1-2

ТЕРМИН «ДОКУМЕНТ» В ШИРОКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ РАКУРС

Сергей Викторович Королев¹, Резо Тенгизович Гаприндашвили²

¹Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

²Государственный университет по землеустройству, Москва, Россия

¹sko.05@mail.ru

²gaprindashvilirt@guz.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Юристы нередко сталкиваются с проблемой так называемого двойного смысла. Речь обычно идет о банальных терминах с преобладающим общеупотребительным значением, но имеющих также техническое значение. Именно такого рода термином является слово «документ». Была поставлена задача выявить технические нюансы этого термина, имеющие теоретико-прикладное значение. *Материалы и методы.* Представлен краткий междисциплинарный анализ понятия «документ» в «серой зоне» гражданского и уголовного права. Кроме того, междисциплинарный подход усилен страноведческим ракурсом: в результате в корпус исследования были интегрированы три «взгляда» на «юридический документ» – из Франции, США и Германии. *Результаты.* Обозначены общие, т.е. совпадающие, характеристики термина «документ» в трех указанных странах. Кроме того, выявлена более широкая трактовка термина «документ» в теории уголовного права Германии. *Выводы.* Понятие «документ» обычно трактуют в узком (публично-правовом) смысле как подтверждение индивидуальной самоидентификации (= паспорт). С другой стороны, термин «документ» можно толковать в цивилистической перспективе как обоснование возникшего субъективного права (= договор купли-продажи земельного участка). «Документ» в широком смысле одновременно подтверждает статус лица и служит обоснованием имеющихся у него прав.

Ключевые слова: документ, цивилистика, уголовное право, сравнительное правоведение

Для цитирования: Королев С. В., Гаприндашвили Р. Т. Термин «документ» в широком юридическом смысле: междисциплинарный и страноведческий ракурс // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 1. С. 13–20. doi:10.21685/2307-9525-2022-10-1-2

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

THE TERM 'DOCUMENT' IN THE BROAD LEGAL SENSE: INTERDISCIPLINARY AND COUNTRY-STUDY APPROACH

Sergej V. Korolev¹, Rezo T. Gaprindashvili²

¹Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²University of Land Use Planning, Moscow, Russia

¹sko.05@mail.ru

²gaprindashvilirt@guz.ru

Abstract. *Background.* As practice and personal experience of co-authors show, lawyers often face the problem of so-called double meaning. This usually concerns the banal terms with a predominant common meaning, but also having a technical meaning. The word 'document' is exactly this kind of the term. The authors set the task of highlighting the technical nuances of this term, which have theoretical and applied significance. *Materials and methods.* The article is a brief interdisciplinary analysis of the concept of 'document' in the grey zone of civil and criminal law. In addition, the authors consider it possible to strengthen the interdisciplinary approach through the country-study perspective: as a result, three views on the 'legal document' – from France, the USA and Germany – are integrated into the study. *Results.* The general, namely coinciding, characteristics of the term 'document' in the three specified countries are indicated. Moreover, a broader interpretation of the term 'document' is revealed in the theory of German criminal law. *Conclusions.* The concept of 'document' is usually understood in a narrow (public-legal) sense as a confirmation of individual self-identification (= passport). At the same time, the term 'document' can be interpreted in a civil perspective as a justification for the arising subjective right (=land acquisition contract). The 'document' in a broad sense simultaneously confirms the status of a person and serves as a justification for his/her rights.

Keywords: document, civil law theory, criminal law, comparative law

For citation: Korolev S.V., Gaprindashvili R.T. The term 'document' in the broad legal sense: interdisciplinary and country-study approach. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2022;10(1):13–20. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2022-10-1-2

Проблема термина «документ» сокрыта в его цивилистическом (римско-правовом) происхождении, а именно в том, что смысл данного термина отягощен коннотацией субъективного права, «воплощенного в документе». Другими словами, документ как бы «одаривает» своего носителя определенным правомочием. В указанном смысле речь идет не только, скажем, о гражданско-правовом договоре, но и о документах, на первый взгляд имеющих отдаленное отношение к частному праву.

Так, гражданский паспорт для его владельца – это не просто документ, удостоверяющий личность его обладателя, а материальный носитель субъективных прав, ассоциированных со статусом гражданина. На первый взгляд такое утверждение носит весьма дискуссионный характер. Ведь по общему правилу гражданский паспорт – это прежде всего (номинальный) инструмент конституционного права и – в функциональном смысле – инструмент административно-правового регулирования, т.е. орудие государственной монополии признавать кого-то гражданином или нет. Но указанную государственную монополию можно легко переформулировать в терминах цивилистики, т.е. *jus privatum*: только специальный государственный орган обладает исключительным правом принимать решение о паспортизации кого бы то ни было.

Более того, только упомянутый государственный орган вправе ассоциировать с выдачей паспорта не только гражданские права бенефициара, но и его гражданские обязанности, прежде всего налогового характера. Как видим, в рамках указанного примера нет принципиальных препятствий рассматривать государство не просто как «еще одного» выгодоприобретателя (наряду с физическими лицами), но и как главного бенефициара, которому принадлежит монополия паспортизации. Как видим, субъект-ориентированная трактовка сущности документа пронизывает не только сферу частного, но и сферу публичного права.

Цивилистическая коннотация термина «документ» явно господствует во французской юридической терминологии. Так, авторитетный юридический словарь издательства «Далло» дает следующее суммарное определение: «Документы – это письмена (*écrits*), способные содействовать доказательству фактов процесса. Документы могут предоставляться сторонами спонтанно... (или же) по требованию (соответствующей) стороны, или же – третьих лиц через судью или же техническим экспертом – при необходимости через посредство судьи» [1, р. 234].

Ясно, что стороны приходят в суд для защиты своих (законных или воображаемых) прав, и согласно французскому толкованию термина «документ» его субъективно-правовая коннотация является определяющей. Далеко не случайно во французской интерпретации речь идет о документах во множественном числе. Несмотря на то, что документы могут быть разного вида и характера, родовой признак для всех них по французской версии – это их способность содействовать доказательству наличия того или иного субъективного права у той или иной стороны процесса.

В отличие от предельно узкого – исключительно цивилистического и даже гражданско-процессуального – подхода, характерного для французского понимания термина «документ», англо-американская интерпретация этого термина гораздо более либеральна. Например, авторитетнейший юридический словарь Блэка предлагает следующее определение: «Документ – это инструмент, на котором посредством букв, схем или пометок зафиксирована первоначальная, официальная или юридическая форма чего-то, что может быть использовано доказательно» [2, р. 481].

При этом первоначальная (*original*) форма документа является наилучшим доказательным инструментом как в отношении своих письменных копий, так и – тем более – в отношении устных свидетельств. Согласно англо-американской интерпретации вторичные инструменты доказывания (копии оригинала и свидетельские показания) могут быть допущены в судебный процесс, лишь если будет доказан факт уничтожения, пропажи и т.п. первоначальных документов (см. *best evidence rule*) [2, р. 160].

Самое интересное в контексте заявленной темы заключается в том, что англо-американская трактовка термина «документ» фактически дезавуирует якобы имманентную любому документу привязку к субъективно-правовой коннотации. Другими словами, согласно юридическому словарю Блэка воплощение некоего субъективного права в том или ином документе не только не презюмируется, но и легко может стать в судебном процессе предметом проверки со стороны судьи. Впрочем, указанная судебная проверка характерна, скорее, для коллизионного права (*conflicts of law*) [2, р. 481], чем внутреннего права стран англо-американской правовой семьи. Однако данное обстоятельство говорит о том, что юридический словарь Блэка допускает существование «чистых» документов, не отягощенных «привязанными к ним» субъективными правами.

Примечательно также и то, что в конституционно-правовой перспективе стран общего права (*countries of common law tradition*) субъективные права, которые могут быть ассоциированы с тем или иным документом, всегда производны и в принципе дискуссионны. Этой группе прав противостоят (дословно) исподние, интимные права (*vested rights*) [2, р. 1564]. Они как бы срослись с данной личностью. Их невозможно передать, изменить или отменить никакими документами, даже документами конституционно-правового уровня.

Часто исподние права носят имущественный характер, но это не обязательно. Ясно, что мое исподнее белье есть, прежде всего, мое личное имущество. Однако логика доктрины

исподних прав заключается в другом: тот, кто лишает меня даже «исподнего», т.е. последнего, что прикрывает мою доюридическую наготу и исключительно человеческую беспомощность, уже не может сам прикрываться юридической риторикой.

Фактически он ставит себя «вне права», т.е. становится не только моим личным недругом, но и врагом всего общества (*public enemy*). Ведь последняя цитадель гражданского общества – это как раз безоговорочный консенсус по поводу того, что любой человек имеет интимную зону исподних прав, без признания и защиты которой со стороны публичной власти его легко превратить в объект любых манипуляций.

Как видим, цивилистическая коннотация, согласно которой любому официальному документу должна быть присуща идея предоставления субъективного (прежде всего имущественного) права, открыта для дискуссии. Хотя англо-американская трактовка термина «документ» по преимуществу остается в орбите гражданского права, она все же допускает возможность «чистых» документов, не привязанных к идее наделения неким субъективным правом обладателя документа или передачи ему этого права.

В этот цивилистический (франко-англо-американский) консенсус вторгается немецкая (дуалистическая) интерпретация термина «документ» (*Urkunde*). Немецкие юридические словари по содержанию остаются в орбите цивилистической интерпретации слова «документ». Однако они, делают формальную привязку этого понятия к логике уголовного права (см. ниже) и – как следствие – допускают, что здесь термин «документ» может иметь более широкий объем.

Так, юридический словарь Кеблера гласит: «Документ (*Urkunde* – § 267 Уголовного уложения) – это воплощенное, т.е. представленное в телесной форме мыслизъявление (*Gedankenklärung*), которое понятно всем или посвященным, позволяет опознать (своего) изготовителя, а также пригодно и предназначено для доказательства юридически значимого факта (например, свидетельство о рождении, диплом, номерной знак автомобиля)» [3, р. 501].

Соответственно, слово «*Urkunde*» имеет в немецком юридическом языке (*Juristendeutsch*) [4], как минимум, два разных объема: один (предельно узкий) в гражданском процессе, другой (широкий) – в уголовном праве. Данное обстоятельство отмечает юридический словарь Крейфельдса: «Документ (*Urkunde*) – это воплощенное в письменных знаках мыслизъявление... в уголовном праве понятие документа более широкое (см. фальсификация документов)» [5, р. 1299].

Итак, по содержанию оба смысла термина «документ» объединяет то, что он рассматривается в качестве инструмента доказывания как в гражданском, так и уголовном процессе Германии. Однако уголовно-правовой смысл термина «*Urkunde*» гораздо шире по объему, чем его гражданско-правовой аналог. Помимо письменных актов документом в уголовно-правовом смысле могут стать, например, ценник в супермаркете [6, р. 65] или отпечатки пальцев на дверной ручке [6, р. 227] и т.п.

В этом смысле представляет интерес скрытая дискуссия между профессором Хафтом, с одной стороны (см. признание признаков «*Urkunde*» за отпечатками пальцев), и профессорами Вессельсом и Хеттингером – с другой. Последние настаивают на том, что так называемые объекты осмотра (*Augenscheinsobjekte*) не обладают статусом «*Urkunde*» по той причине, что не воплощают мыслительное содержание [7, р. 206]. Другими словами, «изготовитель» указанных объектов, например, «причинитель» отпечатков пальцев на дверной ручке не ассоциировал никакого определенного мыслизъявления с актом прикладывания ладони к ней.

На первый взгляд с мнением Вессельса и Хеттингера как авторов одного из самых востребованных учебников по уголовному праву Германии спорить не приходится. Тем не менее, если мы сменим ракурс от простого «причинителя» отпечатков пальцев и сфокусируем внимание на их фальсификаторе, то аргументы Вессельса и Хеттингера о непреодолимой грани между «документами» и «объектами осмотра» становятся гораздо менее убедительными. В самом деле, если правонарушитель все заранее продумал и оставил на месте преступления, скажем, стакан с чужими отпечатками пальцев, то нельзя утверждать, что данный стакан,

т.е. сам акт его оставления на месте преступления, вовсе лишенмыслеизъявления со стороны настоящего преступника.

Как бы то ни было, с точки зрения профессора Хафта, любой материальный носитель, способный устойчиво выполнять функцию некоего знака, может стать «Urkunde» в уголовно-правовом смысле: волна и дым не могут, но упаковка из-под детских памперсов, мундштук от выкуренной папиросы, царапины от гусениц трактора и т.д. могут. Данное обстоятельство фактически открывает семиотическую перспективу на уголовно-правовой термин «Urkunde». Иначе говоря, все, что поддается интерпретации как прямой или косвенный знак определенного преступления, становится документом в смысле уголовного права.

Уголовное уложение Германии различает два основных состава «документарных преступлений», а именно:

- фальсификация документа (Urkundenfälschung – § 267 Уголовного уложения Германии – далее везде УУГ)¹;
- сокрытие документа (Urkundenunterdrückung – § 274 УУГ).

Следует отметить, что уже упомянутый § 267 УУГ, во-первых, отграничивает подлинный документ (echte Urkunde) от неподлинного (unechte Urkunde), во-вторых, предусматривает единый нормативный состав с одинаковым правовым последствием и для изготовителя, и для пользователя. При этом по правовому последствию, т.е. по жесткости уголовно-правовой санкции (до пяти лет лишения свободы или денежный штраф) нет разницы между изготовителем неподлинного документа и фальсификатором подлинного документа. Аналогичной санкции подлежит и любой пользователь как неподлинного документа, так и фальсифицированного подлинного документа.

Согласно § 274 УУГ до пяти лет лишения свободы или денежным штрафом карается тот, кто с намерением навредить другому лицу уничтожает, повреждает, утаивает документ или технический эскиз, который ему не принадлежит или принадлежит лишь частично. Как видим, состав § 274 УУГ представляет собой деструктивный аналог (формально) конструктивного состава § 267 УУГ.

Другими словами, тот, кто реализует состав § 267 УУГ, выполняет в некотором роде творческую задачу в отличие от банального деструктора, реализующего состав § 274 УУГ. Несмотря на отсутствие у деструктора криминальной фантазии, характерной для изготовителя или фальсификатора документов, жесткость санкции в отношении него объясняется преобладанием в его поведении низменной мотивации причинить вред другому лицу.

Как видим, формулировка § 274 УУГ сфокусирована на мотивации деструктора причинить вред другому лицу. Но возникает интересный вопрос: как быть с такой констелляцией, когда некто объективно реализует состав § 274 УУГ, но при этом не имеет субъективного намерения причинить вред другому лицу? Более того, он имеет намерение предоставить адресную бенефицию. Данный вопрос наводит на мысль, что законодатель либо закрепил в УУГ дефектную норму, не продумав ситуацию оказания криминальной услуги другому лицу, либо намеренно вывел данную проблематику за «скобки уголовного права». В любом случае остается без ответа возможная констелляция объективного состава § 274 УУГ, когда оказание услуги (= позитивная дискриминация) одному лицу одновременно означает причинение ущерба другому лицу (= негативная дискриминация).

Для ответа на поставленный вопрос надо сначала уяснить место и роль уголовного права в систематике всего национального правопорядка. Если уголовно-правовая догматика выделяет в качестве отдельного вида так называемые документарные преступления (Urkundenstraftaten) [8, р. 431–514; 9, р. 175–204], то – как и другие преступления – они прежде всего посягают на базовые ценности правопорядка, такие как равенство (Gleichheit), справедливость (Gerechtigkeit), надежность (стабильность) права (Rechtssicherheit).

¹ Мы принципиально отказались от соблазна искать аналоги в УК РФ: во-первых, русскоязычный «аналог», даже если его с натяжкой можно найти для § 267 УУГ, неизбежно будет означать русификацию немецкого уголовно-правового менталитета, а во-вторых, второй из указанных составов (§ 274 УУГ) вообще не имеет даже отдаленно «похожего» состава в российском УК.

Вместе с тем, как и любой вид уголовного правонарушения, документарные преступления объединяет общая для всех них «специализация»: они атакуют защиту доверия (Vertrauensschutz), или, точнее, «безопасность и надежность правового оборота документов, технических эскизов и данных в качестве средств доказательства» [7, р. 206; 10, р. 5]. Однако следует отметить, что защита доверия как общий принцип права имеет цивилистическое происхождение, так как речь идет, прежде всего, о доверии между сторонами частноправового контракта. Что касается «безопасности и надежности правового оборота документов», то здесь мы имеем дело с так называемым коллективным, т.е. публично-правовым благом (Kollektivrechtsgut) [8, р. 431].

По определению коллективные блага принадлежат всем сразу и никому в отдельности в том смысле, что отдельный индивид ими не располагает, т.е. не может ни отказаться от них, ни приостановить, ни изменить, в отличие от субъективного права. В этой связи возникает вопрос: как совместить принцип субъективной вины в уголовном праве с объективной природой коллективных благ?

Если правонарушитель в Германии реализовал нормативный состав § 274 УУГ, т.е. уничтожил, повредил или утаил документ (= объективный признак состава) не с целью причинить вред другому лицу (= субъективный признак состава), а с целью создать преференцию третьему лицу, то теоретически субъективный признак состава раздваивается на негативно дискриминационный и позитивно дискриминационный. Действующая редакция § 274 УУГ имеет в виду только негативно дискриминационный аспект в мотивации правонарушителя, игнорируя возможность позитивно дискриминационного момента его мотивации.

Если же подозреваемый реализовал объективный состав указанного параграфа вовсе не с целью кому-то конкретно навредить, а с целью кому-то конкретно «услужить», то мы видим два пути криминализации его поведения – прямой и короткий в одном случае и извилистый и относительно долгий в другом. В первом случае мы можем применить к данной констелляции теорию объективного вменения (objektive Zurechnung) [11, 12]. Соответственно, мы отказываемся от психологического понятия субъективной вины и – как следствие – от необходимости анализировать мотивацию правонарушителя. Для нас будет достаточной объективная реализация состава указанной нормы, независимо от того, хотел он кому-то навредить или кому-то услужить.

Во втором случае нам придется действовать примерно по следующему алгоритму: во-первых, мы должны найти корреляцию между фактическим желанием «услужить» конкретному лицу (оно также должно быть выявлено и как-то обозначено) и фактическим же причинением ущерба третьему лицу (третьим лицам); во-вторых, из самого факта желания оказать услугу «бенефициару» должен вытекать факт асоциального пренебрежения со стороны правонарушителя законными интересами третьих лиц в их качестве потенциальных или актуальных потерпевших.

Однако при всем старании такое пренебрежение нельзя будет квалифицировать как умысел (Vorsatzdelikt), состав же осознанной небрежности или халатности (bewusste Fahrlässigkeit) также весьма трудно будет доказать лишь по факту пренебрежения интересами третьих лиц. Ведь небрежность может быть «автоматической», т.е. чертой характера. В таком случае почти невозможно квалифицировать ее как осознанную небрежность.

Как видим, в оптике доктрины объективного вменения субъективный элемент нормативного состава § 274 УУГ представляется избыточным: он не способствует эффективной защите коллективного блага под названием «безопасность и надежность правового оборота документов». Однако его наличие можно объяснить тем, что современное уголовное право, особенно в немецкоязычных странах, со времен Пауля Иоганна Ансельма фон Фейербаха – создателя уникального Баварского уголовного уложения 1813 г. [13] – является версией гуманитарного права, которое стоит на страже не только фундаментальных благ общества, но и субъективных прав (потенциальных) правонарушителей. При таком толковании субъективный элемент в составе § 274 УУГ должен смягчить или стеснить «автоматику» репрессивного механизма государства в отношении тех лиц, которые попали в сферу «интереса» Уголовного уложения Германии.

Таким образом, понятие «документ» имеет узкое и широкое юридическое значение. Первое является господствующим во всех трех странах. Однако в уголовном праве Германии термин «Urkunde» (документ) дополнительно захватывает дискуссионную зону между классическими документами в духе нотариального удостоверения и так называемыми объектами осмотра (Augenscheinsobjekte). Так, по мнению некоторых авторитетных теоретиков уголовного права Германии, на статус «документа» могут претендовать, например, отпечатки пальцев на стакане, дверной ручке и т.п.

Понятие «документооборот» не удастся втиснуть в прокрустово ложе узкой цивилистической трактовки. Ясно, что далеко не все документы представляют собой гражданско-правовые контракты. К тому же указанный термин предполагает наличие бюрократии, т.е. управленцев, которым со стороны (административного) государства поручен контроль над документооборотом.

Контрольная же функция предполагает наличие специализированной иерархии бюрократов. Любой бюрократ является, как минимум, столоначальником, причем в буквальном смысле. Остальным бююкратам – как выше, так и ниже по иерархической лестнице – достаточно знать, где находится этот «стол», чтобы определить, на какой стадии (на каком столе) почему-то «застрял» тот или иной документ.

Указанный бююкратический механизм документооборота может вообще не затрагивать цивилистический документооборот, если все идет гладко. Но при возникновении сбоев в гражданско-правовом обороте стороны уже не могут решить свои частные проблемы без запуска бююкратического механизма документооборота. При необходимости, например, в сфере уголовного права список возможных документов может расширяться в целях защиты коллективного блага под названием «безопасность и надежность правового оборота документов».

Список литературы

1. Lexique des termes juridiques. 15th ed. Paris : Dalloz, 2005. P. 234.
2. Black's Law Dictionary. 6th ed. St. Paul (Minn.) : West Publishing Co., 1990. 1658 p.
3. Köbler G. Rechtswörterbuch. 10. Aufl. München : Franz Vahlen, 2001.
4. Günther L. Recht und Sprache. Ein Beitrag zum Thema vom Juristendeutsch. Wentworth Press, 2018.
5. Creifelds C. Rechtswörterbuch. 13. Aufl. München : Beck Verlag, 1996.
6. Haft F. Strafrecht. Fallrepertorium zum Allgemeinen und Besonderen Teil. 2. Auflage. München : Beck, 1991.
7. Wessels J., Hettinger M. Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1. 26. Aufl. Tübingen : Müller Verlag, 2002.
8. Bock D. Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1. Nichtvermögensdelikte. Berlin : Springer, 2018.
9. Küpper G., Börner R. Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1. Delikte gegen Rechtsgüter der Person und Gemeinschaft. Berlin : Springer, 2017.
10. Jakobs G. Urkundenfälschung. Köln : Heymanns Verlag, 2000.
11. Puppe I. Die Lehre von der objektiven Zurechnung und ihre Anwendung. Teil 1 // ZJS. 2008. № 5. S. 488–496.
12. Puppe I. Die Lehre von der objektiven Zurechnung und ihre Anwendung. Teil 2 // ZJS. 2008. № 6. S. 600–609.
13. Radbruch G. Paul Johann Anselm Feuerbach. Ein Juristenleben. Wien : Springer Verlag, 1934.

References

1. *Lexique des termes juridiques*. 15th ed. Paris: Dalloz, 2005:234.
2. *Black's Law Dictionary*. 6th ed. St. Paul (Minn.): West Publishing Co., 1990:1658.
3. Köbler G. *Rechtswörterbuch*. 10. Aufl. München: Franz Vahlen. 2001.
4. Günther L. *Recht und Sprache. Ein Beitrag zum Thema vom Juristendeutsch*. Wentworth Press, 2018.
5. Creifelds C. *Rechtswörterbuch*. 13. Aufl. München: Beck Verlag, 1996.
6. Haft F. *Strafrecht. Fallrepertorium zum Allgemeinen und Besonderen Teil*. 2. Auflage. München: Beck, 1991.

7. Wessels J., Hettinger M. *Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1.* 26. Aufl. Tübingen: Müller Verlag, 2002.
8. Bock D. *Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1. Nichtvermögensdelikte.* Berlin: Springer, 2018.
9. Küpper G., Börner R. *Strafrecht. Besonderer Teil. Band 1. Delikte gegen Rechtsgüter der Person und Gemeinschaft.* Berlin: Springer, 2017.
10. Jakobs G. *Urkundenfälschung.* Köln: Heymanns Verlag, 2000.
11. Puppe I. Die Lehre von der objektiven Zurechnung und ihre Anwendung. Teil 1. *ZJS.* 2008;(5):488–496.
12. Puppe I. Die Lehre von der objektiven Zurechnung und ihre Anwendung. Teil 2. *ZJS.* 2008;(6):600–609.
13. Radbruch G. *Paul Johann Anselm Feuerbach. Ein Juristenleben.* Wien: Springer Verlag, 1934.

Информация об авторах / Information about the authors

С. В. Королев – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора международного права, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

Р. Т. Гаприндашвили – кандидат юридических наук, врио проректора по социальным вопросам, воспитательной работе и молодежной политике, Государственный университет по землеустройству, 105064, г. Москва, ул. Казакова, 15.

S.V. Korolev – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the International Law Department, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka street, Moscow, 119019.

R.T. Gaprindashvili – Candidate of Law, Acting Vice-Rector for Social Affairs, Student Affairs and Youth Policy, University of Land Use Planning, 15 Kazakova street, Moscow, 105064.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare that no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 06.03.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.03.2022

Принята к публикации / Accepted 28.03.2022